

ИНФЕРЕНЦИЯ И ДИАЛОГОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫХ ЕДИНСТВ)

В статье анализируются различные инференциальные процессы в диалогических единствах, включающих наводящие вопросы.

Ключевые слова: инференция, вопросительное предложение, наводящий вопрос, диалог.

В современной лингвистике появляется все больше лингвистических работ, посвященных такому аспекту речевого взаимодействия, как инференция (см., например: [Макаров, 2003; Кубрякова, 2004; Кривова, 2005] и др.¹), в которых термин *инференция* трактуется по-разному. Так, по определению А. В. Прохорова, *инференция* – это «процесс извлечения адресатом дополнительных, невыраженных в языке (имплицитных) смыслов, который осуществляется с опорой на широкий круг языковых и неязыковых значений» [2009. С. 196]. Отмечая близость понятий импликации и инференции, исследователь подчеркивает, что эти процессы характеризуют разных участников речевого акта: инференцию обычно относят к сфере адресата, так как именно он «выводит невербализованные смыслы и делает заключения с целью понять, что говорящий имел в виду», а «носителем импликатуры является говорящий» [Там же. С. 199].

О необходимости включения процессов инференции в изучение диалогических единств (далее – ДЕ) говорится во многих работах, посвященных диалогу, но в иных терминах [Saldert, 2006]².

В диалоговом взаимодействии существует несколько типов инференциальных процессов разной степени сложности, которые мы охарактеризуем на материале вопросно-ответных ДЕ, собранных на занятиях по русскому языку в вузе и школе, а также извлеченных из телепередач «Умники и умницы» и «Поле чудес».

Определяя компоненты ситуации, влияющие на строение диалога в разговорной речи, авторы монографии «Русская разговорная речь» выделяют такой компонент, как общность апперцепционной базы участников речевого акта [Земская и др., 1981]. Как известно, термин *апперцепционная база* был впервые введен Л. П. Якубинским в работе 1923 года «О диалогической речи», который писал: «Апперципирующая масса, определяющая наше восприятие, включает в себя элементы постоянные и устойчивые, которыми мы обязаны постоянным и повторяющимся влияниям свойственной нам среды (или сред), и элементы преходящие, возникающие в условиях момента» [1986. С. 25]. Данной особенностью диалогической речи (общностью апперцепционной базы) объясняется и большое число неполных предложений, в которых восполнение необходи-

¹ Gabrielatos C. Inference: How it Works. URL: <http://www.gabrielatos.com/InferenceTEFL-1.pdf> (дата обращения 14.04.2011).

² Yukiko Kawaguchi. Conversational inferences: the hard way and the easy way. URL: <http://www.aclweb.org/anthology/W/W03/W03-2105.pdf> (дата обращения 14.04.2011).

мых элементов необязательно, они восстанавливаются из конситуации, например: (У рекламного щита кинотеатра) А. *Видел?* / Б. *Ерунда*. [Земская и др., 1981]. Как справедливо отмечает С. Г. Ильенко, «в речевой практике <...> неполные предложения могут оказываться более полноценными, чем полные, поскольку сосредоточивают внимание слушателя на <...> реме, отбрасывая уже известную слушателю тематическую часть» [2003. С. 47–48]. Подобные ДЕ частотны и в нашем языковом материале.

Обратимся к обычной для урока русского языка ситуации объяснения орфограммы в слове. В приведенном ниже фрагменте диалога каждая реплика характеризуется структурной неполнотой. Используется это в разных целях, не только для экономии речевых усилий и времени, поскольку урок (как и телепередача) ограничен во времени, но и для актуализации ремы:

(1) К¹. *Рассвет*. / К². *Корень?* / К¹. *Корень – свет-, приставка – рас-*. / К². *На конце приставки пишем «эс», потому что...?* / К¹. *Потому что после глухого согласного*. / К². *Перед глухим согласным, а не после*. (Урок русского языка)³.

В приведенном примере первая реплика *Рассвет* является неполным предложением, поэтому развернуть данное высказывание можно, например, следующим образом: *Объясним орфограмму в слове «рассвет»*. Как видим, сама ситуация помогает участникам коммуникации путем определенных умозаключений понять, о чем идет речь (несмотря на то, что в ассоциативном словаре наиболее частотные реакции к слову *рассвет* – это реакции, связанные с восходом солнца [РАС, 2002. С. 546]).

Для обозначения структуры данных, представляющих стереотипную ситуацию, многие ученые используют термин *фрейм*, указывая, что с каждым из них ассоциирована информация разных видов (см.: [Минский, 1979] и др.). Таким образом, понятие фрейма сходно с понятием апперцепционной базы, так как и в том, и в другом случае мы имеем дело с общими знаниями, закрепленными за определенной ситуацией.

Спецификой нашего языкового материала является то, что ДЕ включают в себя наводящие вопросы (далее – НВ), которые, во-

первых, представляют собой не отдельный тип предложений, а целый функциональный класс, занимающий промежуточное положение между собственно-вопросительными и несобственно-вопросительными (см.: [Святогор, 1980; Голубева-Монаткина, 2004; Казаковская, 2006] и др.) предложениями. Специфика НВ заключается не только в том, что спрашивающий знает запрашиваемую информацию, но и желает путем актуализации разных составляющих общего фрейма получить нужный ответ. Само понятие НВ включает цель постановки вопроса – наметить пути и способы актуализации имеющихся знаний либо в пределах того же фрейма, либо в составе другого, ассоциативно связанного с нужным. В НВ включаются разные структурно-семантические типы, обладающие различными частными функциями, которые в пределах определенной коммуникативной ситуации характеризуются рядом общих параметров и объединяются общей функцией (стимулирующе-подсказывающей). Во-вторых, эти вопросы ситуативны, т.е. они нередко возникают как реакция на реплику отвечающего. В-третьих, ДЕ, включающее НВ, имеет минимум трехчастную структуру: реплика-утверждение – НВ – ответ (см.: [Галанова, 2011]). В данном случае не работает утверждение: *Ответ от вопроса зависит, а вопрос от ответа – нет* [Голубева-Монаткина, 2004. С. 39]. Но специфика НВ заключается в том, что говорящий должен наметить пути инференции для слушающего.

Целью статьи является характеристика инференциальных процессов в диалогических единствах с НВ с точки зрения спрашивающего.

Охарактеризуем инференциальные процессы в диалоге с точки зрения К². Он обладает запрашиваемой информацией, ситуация ее использования является для него стереотипной, т.е. инференция включается в фреймовую структуру. Вопросы, возникающие у К², связаны с лакуной в реплике-сообщении К¹. Важным моментом в данном случае будет то, какие условия создает спрашивающий для успешной инференции. Например, Yukiko Kawaguchi выделяет два способа выводного знания из диалогового взаимодействия: трудный (the hard way) и легкий (the easy way)⁴. Е. С. Кубрякова пи-

³ Здесь и далее: К¹ – отвечающий (ученик, студент, участник телепередачи), К² – спрашивающий (учитель, преподаватель, ведущий).

⁴ Yukiko Kawaguchi. Conversational inferences: the hard way and the easy way. URL: <http://www.aclweb.org/anthology/W/W03/W03-2105.pdf> (дата обращения 14.04.2011).

шет, что «правила инференции составляют неотъемлемую часть стратегий говорящего при интерпретации текста, его восприятию» [2004. С. 405].

Нам удалось выявить несколько стратегий K^2 , охарактеризуем их.

Первая стратегия заключается в опознании объекта и поиске его общей номинации. Вторая состоит в установлении различных способов связи между объектами. Рассмотрим их более подробно.

1. *Стратегия опознания объекта и поиска его общей номинации*, как показал языковой материал, реализуется в трех тактиках. Первая связана с вектором движения между общим и частным, вторая – между равнообъемными номинациями, третья – с ложной идентификацией объекта.

1. Вектор движения между общим и частным представлен двумя способами движения хода рассуждения: от частного к общему или от общего к частному.

А. Движение рассуждения от частного к общему может осуществляться при использовании полной характеристики объекта, последовательных шагов рассуждения или гипо-гиперонимических отношений:

а) полная характеристика объекта может быть представлена в дефиниции или описании объекта в реплике K^2 :

(2) K^1 . «Призвал – призвати»... / K^2 . *Какое прошедшее время?* / K^1 K^2 . *Какое прошедшее время в третьем лице, ед. ч. равно основе инфинитива?* / K^1 . *Аорист.* / K^2 . *Аорист, конечно!* (Экзамен по старославянскому языку)

В данном примере НВ полностью характеризует объект, описывая его частные особенности, сужая тем самым область поиска ответа.

б) в реплике K^2 могут быть обозначены последовательные шаги рассуждения:

(3) K^1 . «Пойми, что не стоят и гроша не подкрепленные делом слова». *Главное предложение назывное* / K^2 . *Чем выражено сказуемое?* / K^1 . *Глаголом.* / K^2 . *Глаголом. Значит, уже не назывное. Какое наклонение?* / K^1 . *Изъявительное.* / K^2 . *Изъявительное?* / K^1 . *Повелительное.* K^2 . *Ясно лицо? Он пойми, я пойми..?* / K^1 . *Ты пойми. Есть лицо.* K^2 . *Значит, это предложение...?* / K^2 . *Определенно-личное.* (Урок по русскому языку)

K^2 указывает K^1 последовательные шаги (*сказуемое выражено глаголом, повелительное наклонение, есть лицо*), по которым

можно опознать определенно-личные предложения, так как они отражают их индивидуальные признаки. Идентификация объекта по частям позволяет назвать его общее наименование.

в) движение рассуждения от частного к общему представлено также наличием в репликах коммуникантов слов, находящихся в родо-видовых отношениях, или гипо-гиперонимических, которые отражают отношения включения, являются разнообъемными номинациями (ср.: [Гак, 1988. С. 355]):

(4) K^2 . «Сонная головка», «Золотая роса», «Белый дракон», «Звездная ночь» – что такое? / K^1 . *Я рискну предположить, что это лотос. Цветок.* / K^2 . *Это цветок. Уже правильно. Какой самый японский цветок?* / K^1 . *Хризантема – японский цветок.* («Умники и умницы». 24.04.2010).

Как видим, процесс получения знаний из имеющейся информации опирается на движение рассуждения от частного к общему: даны частные названия различных сортов, что позволяет K^1 обобщить данную информацию, сделав вывод, что это названия лотоса (*лотос* – неправильный вывод). Следующий этап обобщения – *цветок* – верный вывод. Далее происходит обратное движение (от общего к частному), так как необходимо установить конкретное название цветка. Таким образом, успешность инференции обеспечивается использованием гипо-гиперонимических отношений (*хризантема – цветок*). Как видим, инференция в диалоге – это еще и процесс перехода от незнания к знанию.

Б. Движение рассуждения от общего к частному осуществляется в том случае, если сначала дана общая характеристика объекта, через которую нужно опознать частные, т. е. рассуждение имеет обратный вектор:

(5) K^2 . *В хронике «Адзуми Кагани» рассказывается, как первый сегун Минамото Еримото устроил новогодний пир, состоявший всего из двух блюд. Ну, очень скромный был. Вот какие блюда? Одно – это пицца, другое – это напиток.* / K^1 . *Скорее всего, это рис и чай. Напиток и еда.* / K^2 . *Ну, сегун!* / *Ареопаг. Ну, все-таки Новый год.* / K^2 . *Все-таки вот крепче чая.* / K^1 . *Саке.* / K^2 . *Из миски риса и чашечки саке состоял пир.* («Умники и умницы». 24.04.2010).

Уже в самом задании K^2 создает условия для успешной инференции, для этого спрашивающий дает краткое описание ответа:

пир из двух блюд, одно – это пища, другое – это напиток, причем сегун был скромный, что указывает на простоту блюд. В связи с тем, что напиток был неверно назван, К² и Ареопаг предоставляют отвечающему ту информацию, которая поможет вызвать нужные ассоциации в сознании К¹ с правильным ответом: пир был хотя и простой, но нужно помнить, что был праздник – *Новый год*, поэтому напиток был *крепче чая* (следовательно, к названному блюду претензий нет). Помимо поэтапного описания ожидаемого ответа, используются и гипогиперонимические отношения: *блюдо – пища – рис; блюдо – напиток – sake*. Спрашивающим удалось удачно очертить ассоциативную рамку, участники коммуникации нашли общие ассоциативные связи, результатом которого стало верное умозаключение К¹.

2. Равнообъемными номинациями являются синонимы, «отражающие отношения тождества», и антонимы, «отражающие логические отношения контрадикторности» [Гак, 1998. С. 355]:

А. Использование синонимов к тому слову, которое ожидается в качестве ответа, очень продуктивно влияет на получение слушающим выводного знания, позволяет успешно идентифицировать объект.

(6) К². *На Руси хозяева избы желанного уважаемого гостя всегда сажали на лавку! А незваного на что? <...> Ну? Понимаете, какая история, вообще мало об этом кто знает. Да и разница-то эта, никто об этом, о такой разнице никто не задумывался. Вот то, что званный гость, готовились, ведь прийти должен уважаемый человек, в красный угол посадить. На что? На лавку. А незванный пришел, где [хоть] сажай. А как его, где [хоть], посадить? 450 очков, буква? / К¹. Скамья. («Поле чудес». 2010 г.).*

Несмотря на то, что в репликах К² повторяются антонимы (*званный / незванный гость*), он обращает внимание слушающих на то, что различия между местами, на которые усаживают гостей, в нашем сознании нет. Действительно, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1995] используется синонимичный способ толкования слова *лавка*, т. е. оно объясняется через слово *скамья*, на что и старался навести отвечающего К².

Сравним со следующим примером:

(7) К². *Какой же это тип семантической структуры слова? / К¹. Радиально-цепочечная. / К². Радиально-цепочечная, или...? Какая еще? / К¹. Смешанная.* (Практическое занятие по лексикологии).

В данном фрагменте учебного диалога вопросительная реплика учителя является НВ, поскольку содержит в себе лексический повтор ответа ученика (*радиально-цепочечная*), выражающий одобрение, а также запрос о другом названии данной семантической структуры. Подсказка К² как раз в том и заключается, что ученику понятно (через альтернативную форму вопроса), что ответом будет синонимичное название радиально-цепочечной семантической структуры. На то же указывает и следующий вопрос (*Какая еще?*), уточняя предыдущий незавершенный вопрос.

Б. Использование антонимов позволяет направить рассуждения К¹ в нужную сторону, изменив его первоначальный (неправильный) ответ на диаметрально противоположный:

(8) К². *С давних времен в Японии принято встречать определенное время года в одежде определенного цвета. Весну – в зеленом, потому что все вокруг зеленеет. Лето – в красном, потому что жарко. Зиму – в черном, потому что это самое темное время года. Осень – в белом. А почему в белом? / К¹. Раз белый ассоциировался у Японцев со смертью, то осенью все умирает, то, что расцвело летом. <...> / К². Пушкин оживал даже осенью. Болдинская осень. Нет. Неправильно. Это не смерть, это жизнь. Это основной элемент жизни на японских островах. Некоторые вообще только этим живут. Прошу вас. / К³. Я предположу, что белое – это цвет риса. А рис – это основная форма пищи в Японии и в Азии. («Умники и умницы». 24.04.2010).*

В данном случае К² использует антонимию (*смерть – жизнь*), чтобы К¹ кардинально изменил свой ответ, направил свое рассуждение в нужное русло. Одновременно, поясняя, что же имеется в виду под словом *жизнь*, спрашивающий дает развернутую характеристику того явления, которое и является ответом на первоначальный вопрос (*рис*).

3. Ложная идентификация объекта – намеренно неверное обозначение спрашивающим требуемого в качестве ответа объ-

екта для стимуляции мыслительных процессов K^1 , т. е. НВ содержат заведомо ложную информацию, призваны указать на то, от чего нужно оттолкнуться, чтобы правильно ответить:

(9) <...> K^1 . «Одни мечты гонят другие». «Одни» – это ... / K^2 . «Одни» – это числительное? / K^1 . Нет. / K^2 . Нет. А что это? (Экзамен по морфологии).

Здесь срабатывает так называемый метод от противного, с помощью которого исключаются неверные варианты ответа, а остаются единственно верные, одинаковые по объему.

II. Стратегия установления различных способов связи между объектами заключается в использовании спрашивающим показателей логических связей, помогающих отвечающему в своем сознании выстроить алгоритм ответа, поставить акценты на наиболее значимых частях ответного высказывания:

Возьмем к примеру (8), в котором волнистой линией выделена **развернутая схема рассуждения** (*Весну – в зеленом, потому что лето – в красном, потому что зиму – в черном, потому что осень – в белом. Почему?*), образец, по которому K^1 должен дальше рассуждать, что он и делает (*Раз белый... то...*).

Следующий пример включает показатели **несоблюдения K^1 логического порядка ответа**, стимулирующие к восстановлению пропущенного звена. НВ, содержащим подобные показатели, обычно предшествуют (или следуют за ними) невопросительные реплики, сигнализирующие ученику о пропуске (например, *Возвращаемся к...*):

(10) K^1 . <...> *Чаще всего неизменяемые относятся к среднему роду.* / K^2 . *Неправда! У вас вопрос о типах склонения. Какие вы знаете склонения?* / K^1 . *Адъективное склонение.* / K^2 . *Давайте по порядку. Какие склонения вы знаете?* / K^1 . *Первое склонение* <...> (Экзамен по морфологии).

Как видно из реплик учителя, вопросительным предшествуют невопросительные высказывания: *У вас вопрос о типах склонения, Давайте по порядку*, которые как раз и сигнализируют ученику о том, что он не с того начал свой ответ, форма (порядок) его ответа не соответствует логическим основаниям, данным в вопросе / задании. Если бы вопросу не предшествовала невопросительная реплика, указывающая на нелогичный

порядок ответа, то этот вопрос можно было бы отнести к контрольным, но сочетание этих двух типов высказывания делает вопросительное предложение наводящим.

Для выстраивания полной логической цепочки K^2 часто указывает на **нехватку примеров или иллюстративного материала** в ответе K^1 (например, *приведите пример и др.*), а также на **необходимость подвести итоги** (таким образом, значит, итак, сделайте вывод, подведите итог).

В ходе исследования мы пришли к выводу, что для коммуникативно удачного ДЕ спрашивающий и отвечающий должны оказывать друг другу помощь для совершения успешных процессов инференции. Спрашивающему необходимо предугадывать инференциальные возможности отвечающего и в зависимости от них задействовать определенные средства для выводного знания: гипогиперонимы, синонимы, антонимы и описание требующегося в ответе явления, использовать в своей речи показатели логических связей, дающие отвечающему развернутую схему рассуждения, стимул для введения в ответ примеров и подведения итогов.

Анализ языкового материала показал, что в структуре вопросно-ответных ДЕ нередко происходит одновременное или последовательное совмещение нескольких операций, что помогает более точно восстановить лакуны, правильно интерпретировать реплику собеседника.

Список литературы

Гак В. Г. Языковые преобразования: Моногр. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.

Галанова Е. М. Наводящие вопросы в речи учителя как функциональный класс вопросительных предложений // Слово. Словарь. Словесность. Языковая личность ученика и учителя. Актуальные проблемы межличностной коммуникации: Материалы Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 10–11 ноября 2010 г. СПб.: Изд-во РГПУ, 2011. С. 158–163.

Голубева-Монаткина Н. И. Вопросы и ответы диалогической речи: Классификационное исследование. М.: Едиториал УРСС, 2004. 200 с.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие

вопросы. Словообразование. Синтаксис: Коллект. моногр. М.: Наука, 1981. 276 с.

Ильенко С. Г. Русистика: Избр. тр. СПб.: Изд-во РГПУ, 2003. 674 с.

Казаковская В. В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый – ребенок»: Моногр. / Под ред. А. В. Бондарко, М. Д. Воейковой. СПб.: Наука, 2006. 455 с.

Кривова О. А. Подходы лингвистов к рассмотрению инференции // Вопросы романо-германской и русской филологии. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. С. 155–163.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Акад. наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса: Моногр. М.: Гнозис, 2003. 277 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. О. Н. Гринбаума; под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 151 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 908 с.

Прохоров А. В. К проблеме содержания понятия «инференция» // Когнитивные исследования языка: Сб. науч. тр. Вып. 5: Исследование познавательных процессов в языке. М.; Тамбов, 2009. С. 196–201.

РАС – Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова и др. М.: АСТ: Астрель, 2002. Т. 1: От стимула к реакции. 782 с.

Святогор И. П. Вопросительные предложения // Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 2. С. 386–402.

Якубинский Л. П. О диалогической речи // Якубинский Л. П. Язык и его функционирование: Избр. работы. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

Saldert Ch. Inference and conversational interaction: Pragmatic language disturbances related to stroke. Goteborg, 2006.

Материал поступил в редколлегию 18.09.2011

E. M. Galanova

**INFERENCE AND CONVERSATIONAL INTERACTION
(ON A MATERIAL OF QUESTION-ANSWER UNITIES)**

The article analyzes various inferential processes in the dialogic unities, including leading questions.

Keywords: inference, interrogative sentence, leading question, dialog.